

Российские губернаторы на следующий день после Манифеста 17 октября 1905 г.: стратегии поведения и коммуникации

Манифест 17 октября 1905 г., призванный купировать революцию снизу, вызвал новую волну протестного движения. Одним из объяснений тому может служить отсутствие нового языка коммуникации у каждой из ее сторон: либо местная власть продолжала использовать силу в качестве аргумента, либо протестующие воспринимали новый язык власти как слабость и усиливали давление со своей стороны.

«Паралич власти», в котором спустя несколько лет после Первой российской революции в министерских кабинетах обвиняли губернаторов, встретивших Манифест во главе губернии, в начале октября 1905 г. испытывала сама верховная власть. Всероссийская забастовка, угроза общеимперского революционного взрыва заставляла правительство и императора принимать ситуативные решения, последствия которых самой властью не осознавались или просчитывались абсолютно неверно. Манифест 17 октября своим содержанием отменял старую систему административной коммуникации, основой которой был приказ, в самом широком смысле слова, вышестоящей инстанции и его беспрекословное выполнение лицами, ей подчиняющимися. При чем эта система работала везде одинаково: и внутри властной вертикали, и в отношениях власти и общества. Точнее, Манифест появился тогда, когда старая система коммуникации начала давать серьезные сбои, угрожая уничтожить саму себя.

Суть администрирования, провозглашенная Манифестом 17 октября, предполагала диалог: императив власти должен был уступить место встречному взаимоуважительному обмену мнениями, на основе которого должно было теперь приниматься любое решение. Новая система коммуникации требовала времени на подготовку новых кадров, подготовку общественного мнения, времени на изменения образа мыслей и действий. Но у верховной власти этого времени уже не было, т. к. ситуацию она довела до крайности, медля с решением. Поэтому наместники императора на местах — губернаторы — оказались в полном неведении об истинных намерениях центрального правительства. Они не понимали — был ли Манифест лишь уловкой, временной уступкой в борьбе с революционным движением, или это осознанный шаг в сторону конституционного ограничения самодержавия.

Естественным образом (в зависимости от личных качеств каждого из губернаторов и от того, как они отвечали на выше поставленные вопросы) выработались две основные модели поведения российского губернаторского корпуса в условиях провозглашенных Манифестом 17 октября политических и гражданских свобод, которые еще не были воплощены в законы, но в сознании общества уже существовали — консервативная и либеральная. Хотим подчеркнуть, что хронологически мы говорим о периоде с 18-го числа и до конца октября 1905 г., когда, с одной стороны, стало очевидно, что отмены Манифеста в том или ином виде не последует, и губернаторы должны действовать в новой реальности, а с другой — центральная власть отошла от паралича и стала требовать от губернаторов пресечения «беспорядков».

Манифест 17 октября 1905 г. оказался неожиданным и для местных властей, и для рядовых подданных империи, вызвав недоверие всех ко всем. Вчерашние революционеры — государственные преступники становились равноправными гражданами, с которыми губернатор должен был выстраивать диалог как с законопослушными подданными. Вчерашние собрания и митинги, которые по губернаторскому указанию разгонялись казаками, обретали законный статус и требовали к себе уважения. Не все губернаторы были способны в течение суток воспринять новую реальность и перестроиться на новый правовой язык коммуникации. Одни впадали в уныние, отдав инициативу экзальтированной толпе; другие потворствовали антиреволюционным погромам; третьи, пытаясь выполнить новый закон, вступали в диалог с возбужденными народными массами, за что позже были «награждены» центральной властью самыми уничижительными характеристиками. Почти все из них хотели уйти в отставку: «Пусть новое вино вливается в новые меха», писал М. М. Осоргин. Но заменить сразу всех желающих правительство не могло.

Скоропалительное издание Манифеста 17 октября 1905 г. в условиях повышенной социальной напряженности без предварительной подготовки на местах не могло дать положительных результатов.

Новый документ требовал знаний нового языка общения власти и народа на основе взаимоуважения прав и свобод. Ни губернаторы, ни народ во множестве случаев таким языком не обладали. Это приводило лишь к усилению конфликта, порой с кровавой развязкой.

Губернаторы, пытавшиеся действовать в соответствии с Манифестом, соблюдая вновь объявленные права и свободы граждан, позже были объявлены правительством как проявившие слабость и нераспорядительность. Что свидетельствовало, во-первых, о том, что победила сила, а не право; а во-вторых — само издание Манифеста не предполагало той самой настоящей «революции сверху».